

— Бабушка, здравствуйте! У меня сегодня день рождения, и я хочу угостить вас тортиком. Учительница говорила, что вкуснее всего, когда ешь вместе с другими, — Сюй Синжань протянул угощение и произнес это своим мягким, нежным голоском.

У бабушки Ян от этих слов сердце растаяло, она тут же приняла подарок:

— Спасибо тебе, Жаньжань. Проходи скорее, присаживайся.

Сюй Синжань с самым искренним удивлением поднял на неё глаза и захлопал ресницами:

— Ой? Бабушка знает, как меня зовут?

— Конечно знаю! Твоя бабушка каждый день только о тебе и твердила, говорила, какой ты умный да пригожий, — бабушка Ян отошла в сторону, приглашая его войти.

Однако Чжоу Хэянь даже не шелохнулся. Он стоял в дверях и не сводил глаз с пухлощекого, словно фарфоровая куколка, мальчика.

Сюй Синжань сделал вид, что только сейчас его заметил. Он склонил голову набок, и его прекрасные глаза засияли, когда он нежно спросил:

— А ты кто?

Чжоу Хэянь не ответил. Он просто развернулся, вернулся на диван и уткнулся в домашнее задание.

Такой поворот событий озадачил Синжаня. Неужели он недостаточно мил? Неужели не привлекает внимания? Этого просто не может быть! Приходя сюда, он несколько раз смотрелся в зеркало. Внешность у нынешнего владельца тела была очень мягкой и очаровательной, особенно эти огромные, влажные глаза, словно на них наложили фильтр для увеличения. Куда уж милее?

— Это мой внук, он на два месяца старше тебя. Его зовут Чжоу Хэянь, — бабушка Ян немного смутилась, но в её голосе слышалось больше боли, чем неловкости.

Никто лучше неё не знал, что пришлось пережить её внуку за последний год. После того как стало известно, что его родители — преступники, промышлявшие торговлей людьми, соседи и даже дети в детском саду перестали с ним играть. Малыши не выбирали выражений и часто прямо в лицо называли его сыном злодеев, угрожая, что он тоже продаст их преступникам. Когда он пошел в первый класс, сначала некоторые дети, не знавшие о его семье, хотели с ним дружить, но стоило им услышать правду, как весь класс начал сторониться его. Это привело к тому, что мальчик совсем перестал идти на контакт с окружающими.

— Старше меня? Значит, я должен называть тебя братик Хэянь? — Сюй Синжань переступил своими короткими ножками, подошел к Чжоу Хэяню и, глядя на то, как тот старательно пишет,

спросил детским голосом: — Папа с мамой сказали, что теперь я буду жить здесь, но у меня совсем нет друзей. Можно я буду приходить к тебе играть?

Чжоу Хэянь поднял на него взгляд и поджал свои розовые губки.

Бабушка Ян, видя такую реакцию и опасаясь отказа, поспешно добавила с доброй улыбкой:

— Конечно можно! Приходи к нему в любое время.

— Правда? Тогда я буду приходить каждый день! Братик Хэянь, не забудь каждый день делать уроки заранее, — Сюй Синжань одарил его самой невинной улыбкой. — Посмотрим, получится ли у тебя тогда найти предлог, чтобы меня игнорировать.

— О, кстати, Жаньжань, подожди минутку. У меня есть мармеладные мишки, я сейчас принесу. Пообщайтесь пока с Хэянем, — бабушка Ян поставила торт на журнальный столик и поспешила в комнату.

В гостиной остались двое малышей. Чжоу Хэянь снова склонился над тетрадью, не проронив ни слова.

Сюй Синжань, оставшись без внимания, дернул уголок рта. Ну и ну, какой непростой ребенок, совсем не милый.

Вдруг он заметил, что у ног Чжоу Хэяня упала ручка. Глаза Синжана блеснули. Он мелкими шажками обошел столик и, делая вид, что наклоняется, чтобы поднять ручку, намеренно споткнулся о ножку мебели. Раздался глухой стук — он повалился прямо на Чжоу Хэяня. Однако всё пошло не по плану: локоть Синжана ударился о край стола так сильно, что он едва не взвыл от боли. В теле маленького ребенка слёзы брызнули из глаз мгновенно, и взгляд заволкло туманом.

Чжоу Хэянь, которого застали врасплох и повалили на пол, сначала растерялся, но, увидев полные слёз глаза Синжана, запаниковал:

— Ты... ты как?

Увидев, что тот наконец заговорил, Сюй Синжань замер. В его глазах мелькнула хитринка, а затем он надул губы и громко разрыдался. Слёзы градом покатились по щекам, и он жалобно потянул руку:

— Больно... очень больно...

От этого капризного плача Чжоу Хэянь окончательно растерялся. Он поспешно поднялся, помог мальчику сесть и закатал ему рукав. Локоть был красным. Вспомнив, как когда-то бабушка успокаивала его самого, он своим нежным детским голосом принялся утешать плачущего мальчика:

— Не плачь, не плачь... Давай я подую, подую и потру — и вся боль улетит прочь.

<http://bllate.org/book/18836/1834804>